

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Я. П. КОЗЕЛЬСКИЙ

(Философские, общественно-политические и экономические воззрения)

Проф. И. Бак

Яков Павлович Козельский — крупный мыслитель, учёный-энциклопедист, талантливый писатель и видный общественно-политический деятель — депутат екатерининской Законодательной комиссии, — почти забыт. Мало кому известно его имя.

В дореволюционной литературе характеристика его деятельности как писателя дана Столпянским¹, наибольшее же число биографических сведений представлено Модзалевским². В советской печати Гуковский³, основываясь в значительной мере на материалах Модзалевского, дополняя и уточняя их, составил биографию Козельского. Гуковскому принадлежит также характеристика его литературной деятельности.

Мы привлекли дополнительные источники, не использованные биографами Козельского и историками русской общественной мысли. Это дало возможность восполнить биографию Козельского и характеристику его трудов, а также дать ответ на некоторые спорные в литературе вопросы, касающиеся личности и деятельности Козельского.

★

В литературе о Козельском наметились два направления. Современник Козельского Николай Новиков⁴, митрополит Евгений (Е. Болховитинов)⁵, Столпянский, а также авторы заметок в Большой энциклопедии⁶ и Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона⁷ говорят о Козельском лишь как о писателе и переводчике, не упоминая об его

общественно-политической деятельности в качестве депутата екатерининской Законодательной комиссии.

С другой стороны. Семевский⁸ и Плеханов⁹ говорят о Я. П. Козельском лишь как о депутате екатерининской Законодательной комиссии, не касаясь его литературных трудов.

Существование таких двух односторонних направлений в характеристике Козельского является следствием того, что Я. П. Козельский-депутат не ссылался на свои литературные труды, а Я. П. Козельский-писатель нигде не упоминал о своей общественно-политической деятельности. Это привело даже к вопросу о том, одно ли и то же лицо Козельский-писатель и Козельский-депутат.

Автор заметки о Козельском в Русском биографическом словаре считает «почти несомненным, что это одно и то же лицо». Однако в защиту этого взгляда он приводит весьма неопределённые и шаткие доводы: «Приняв во внимание, с одной стороны, что Козельский-переводчик служил в Малороссийской коллегии и, как известно из записок Данилова, действительно бывал в Малороссии, а с другой, — что Козельский-депутат был выслан в комиссию от днепровского пикетного полка (расположенного в Малороссии), мы можем считать почти несомненным, что это одно и то же лицо»¹⁰.

Не удивительно, что после такого «обоснования» идентичности личности Козельского-писателя и -депутата в литературе появились разноречивые утверждения. Модзалевский заверяет, что депутатом в екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. был не писатель, а другой Яков Павлович Козельский, младший современник первого, майор, впоследствии (1784) депутат дворянства Лубенского уезда в чине секунд-майора¹¹.

¹ «Энциклопедический словарь». Т. XV. А, стр. 596. СПб. 1895; «Новый энциклопедический словарь». Т. XXII, стр. 98.

² Семевский В. «Крестянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Т. I, стр. 115—119. СПб. 1888.

³ Плеханов Г. Соч. Т. XXI, стр. 269. 1925.

⁴ «Русский биографический словарь». Том «Кнаппе — Кюхельбекер», стр. 38. 1903.

⁵ Модзалевский В. Указ. соч. Т. II, стр. 392.

¹ Столпянский П. «Яков Павлович Козельский». «Русская старина» за декабрь 1906 г., стр. 567—584.

² Модзалевский В. «Малороссийский родословник». Т. II, стр. 390—392. Киев. 1910.

³ Гуковский Г. «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века», стр. 32—58. Л. 1928.

⁴ «Опыт Исторического словаря о российских писателях из разных печатных и рукописных книг, сообщённых известий и словесных преданий, собрал Николай Новиков», стр. 100. В Санкт-Петербурге 1772 года.

⁵ «Словарь русских светских писателей, соотечественников, чужестранцев, писавших о России. Сочинение митрополита Евгения». Т. I, стр. 294—295. М. 1845.

⁶ «Большая энциклопедия». Под ред. С. Южакова. Т. XI, стр. 154. СПб. 1896.

Напротив того, Гуковский, говоря о литературной и общественно-политической деятельности Козельского, считает, повидимому, идентичность Козельского-депутата и писателя столь несомненной, что в своих «Очерках» даже не останавливается на этом вопросе.

Козельский-писатель и Козельский-депутат—безусловно одно и то же лицо. Однако, поскольку вопрос об этом возник в литературе и имеются противоположные утверждения, необходимо вернуться к нему. Нужно сопоставить титульные листы книг писателя Козельского со сведениями о депутате Козельском, имеющимися в именном списке депутатов на 20 апреля 1768 года.

По данным титульных листов, Я. П. Козельский находился на военной службе в чине артиллерии капитана в 1765¹² и 1766 годах¹³. В том же, 1766 г. он уже значится на статской службе, в чине надворного советника¹⁴, а в 1768 г., будучи в том же чине, он состоит в должности секретаря одного из департаментов сената¹⁵.

По данным именного списка депутатов, Я. П. Козельский, вступив на военную службу в 1752 г., перешёл на статскую службу в 1766 г. в чине надворного советника. На 20 апреля 1768 г. он, оставаясь в том же чине, состоит секретарём сената¹⁶. Таким образом, о служебном пути Козельского титульные листы его книг и именной список депутатов дают одинаковые сведения. Этим, полагаем, снимаются какие бы то ни было сомнения в идентичности Козельского писателя и Козельского-депутата.

¹² См. титульные листы его переводов Шопфина «История славных государей и великих генералов» и Гольберга «История Датская». Ч. 1-я.

¹³ См. титульный лист его перевода Мозера «Государь и министр».

¹⁴ См. титульный лист его перевода Гольберга «История Датская». Ч. 2-я.

¹⁵ См. титульный лист его книги «Философические предложения», а также «Адрес-Календарь Российский на лето 1767, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит». СПб., при Императорской Академии наук.

¹⁶ Имянный список господам депутатам, находящимся в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения с показанием, кто из оных в разныя от большого собрания учрежденныя частныя Комиссии определены, и ныне действительно находятся. Апреля по 20-е число 1768 года. Печатано в Санктпетербурге при Сенате», стр. 5. Кроме указанного списка имеются ещё два списка депутатов в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения: на 1 января 1768 г. и на 24 февраля 1769 года. В библиографической литературе упоминаются лишь эти два списка. Между тем неизвестный и неиспользованный биографами Козельского список на 20 апреля 1768 г., экземпляр которого имелся в библиотеке князя М. М. Шербатова (см. «Известия Императорской Академии наук

Козельский, происходя, как он сам заявлял, из помещиков в самых местах украинских»¹⁷, родился около 1730 г.¹⁸ в семье наказного сотника Полтавского полка¹⁹. Обучался он сначала в Киеве латинскому языку и закончил учение на риторике. С 1750 г. обучался в гимназии при Академии наук в Петербурге²⁰. В 1752 г. он поступает на военную службу²¹. В 60-х годах XVIII в. он преподавал математику и механику в «Артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе благородного юношества». В 1764 г. Козельский выпускает учебные пособия— сначала «Арифметическия предложения», а затем и «Механическия предложения». Последнее представляло собой не только учебное пособие, но вместе с тем и оригинальное научное исследование. Горячо оспаривает Козельский распространённое в то время мнение, будто народы, у которых «давно заведены науки... имеют... больше разума к понятию наук». Он считает, что

№ 9 за 1910 г., стр. 675), содержит графы, отсутствующие в других списках. Список на 1 января 1768 г. указывает фамилию, имя, отчество и чин каждого депутата, а также— откуда он выбран и когда явился. Список на 24 февраля 1769 г. указывает, в каких комиссиях участвуют депутаты и где они служат. Список же на 20 апреля 1768 г. содержит сверх того сведения о том, когда депутат вступил в военную и статскую службу и с какого времени он находится в настоящем чине. Таким образом, список на 20 апреля 1768 г. даёт новые данные о Козельском, на которые мы будем ссылаться в дальнейшем изложении.

¹⁷ «Сборник Русского исторического общества» (РИО). Т. XXXII, стр. 496. 1881.

¹⁸ В своих «Философических предложениях», вышедших в 1768 г., Козельский пишет, что ему было тогда «близь сорока лет» («Обращение к читателю»). Между тем В. Модзалевский указывает, что Козельский родился в 1735 г. («Малороссийский родословник». Т. II, стр. 390). Вслед за ним ту же дату рождения Козельского отмечает «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона (т. XXII, стр. 98). Если принять 1735 г. за дату рождения Козельского, то последнему в 1768 г. было бы 33 года. В таком случае он не мог бы заявить, что ему в 1768 г. было «близь сорока лет».

¹⁹ Павловский И. «Краткий биографический словарь учёных и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века», стр. 90. Изд. Полтавской учёной архивной комиссии. Полтава. 1912.

²⁰ Козельский заявлял в предисловии к ниженазванной книге, что своими знаниями в математике и физике он «одолжен Санктпетербургской Императорской Академии наук» и что плодом «нескольколетнего... при ней упражнения в науках» является выпускаемая книга («Механическия предложения». 1764).

²¹ «Имянный список господам депутатам, находящимся в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения... Апреля по 20-е число 1768 года», стр. 5.

этому можно было бы поверить, «ежели б знание наук было наследственное добро, но понеже оно обретается трудами многих лет, так всё равно кажется, что во Франции ли или Татарии родиться»²². Козельский хочет этим подчеркнуть, что Россия имеет все возможности для развития науки силами русских учёных и может даже превзойти западноевропейские страны.

В центре научных интересов Козельского были вопросы общественно-политической жизни. Возмущённый политическим и экономическим гнётом, царившим в России, тяжёлым материальным положением и бесправием огромного большинства народа в своей стране, Козельский ищет в литературе ответа на мучившие его вопросы. Он изучает и переводит на русский язык иностранных авторов. Особое его внимание привлекают сочинения, направленные против тирании и разных форм угнетения.

В том же, 1764 г. Козельский переводит (с немецкого перевода) трагедию английского писателя Otway «Venice Preserved, or A Plot Discover'd» (1682), изображавшую в сочувственных тонах восстание свободолюбивых венецианцев против сената. Характерным является выбор этого сочинения для перевода и особенно заявление переводчика, что содержание книги ему «весьма понравилось» и что она содержит «весьма хорошия мысли, которыя примечания охотного читателя стоят»²³.

В 1765 г. Козельский перевёл с французского книгу Choffin «Amusemens philologiques, ou Mélanges agréables de diverses piéces concernant l'histoire des personnes célèbres...» Halle. 1749—1750, 2 vols. В предисловии к переводу Козельский говорит, что далеко не всегда замечательны те дела, которые «по объявлению историков велики». Он считает великими лишь те дела, которые ведут к «общему благополучию». С этой точки зрения, Козельский противопоставляет Александра Македонского, «неправедно наименованного великим... который явил себя неприятелем всего света», Петру I, который был действительно велик, ибо «не удовольствовался тем, чтоб укрепить своё государство нерушимой крепостью, то-есть искусством военным и постарался притом подать России внутреннюю крепость и силу...»²⁴.

²² «Механическая предложения для употребления обучающихся при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества, сочинённая артиллерии капитаном Яковом Козельским». Предисловие. СПб. 1764.

²³ «Возмущение против Венеции. Трагедия, сочинённая господином Оттавем, а с немецкого языка на русский переведена Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса поручиком Яковом Козельским». Послесловие к переводу. СПб. 1764.

²⁴ «История славных государей и великих генералов с разсуждениями о их поступках и делах, собранная господином Шофиним. Из сочинений Роллена, Кривьера

В 1765—1766 гг. Козельский издал в двух томах сокращённый перевод «Danmarks Riges Historie» (1732) знаменитого датского писателя Гольберга, прозванного отцом датской литературы. Свой перевод Козельский сопроводил примечаниями, так как считал «некоторые места сей истории... требующими особых рассуждений»²⁵.

В примечаниях он даёт смелую оценку исторических деятелей и важнейших исторических событий. С возмущением говорит о «предводителях Римскаго народа, которые «ни во что ставили жизнь... множества людей пред славою, купленною неправедным пролитием неповинной их крови»²⁶, осуждает представление о «мнимой разности преимушеств разных народов»²⁷. Козельский видит несправедливости и в современной ему международной политической жизни: «Нынешний свет как ни хвастает себя политичным, однако он неважное перел прежними временами получил, да и получил ли приращения в добродетели; разность только в том, что теперешния люди не так просто, как прежняя, а искуснее обиают своих ближних»²⁸. Он говорит, что короля Канута, прозванного историками великим, следует назвать «великим Тиранном, великим похитителем и безцеловечным кровопивцем, а не великим королём»²⁹. Не стесняясь, выступает он и против римских пап, которые, как Григорий IX и Гонорий III и другие, «безвинно и по одним своим прихотям делали тяжкия озлобления и коварныя подлоги»³⁰, а также изобличает «явное ласкательство» Гольберга, — искажение им исторических фактов, неправильную их трактовку, что может довести, говорит он, «малодушных людей до великих беззаконий»³¹.

Эти примечания Козельского по своему характеру близки тем примечаниям, которые через восемь лет дал Радищев к переводу труда известного утописта аббата де Мабли — «Размышления о греческой истории или о причинах благоденства и несчастья греков»³².

Козельский не ограничивается осуждением тиранов и их приспешников. Он резко критикует современный ему общественный

и других, а с французского языка переведённая артиллерии капитаном Яковом Козельским». Предисловие к переводу. СПб. 1765.

²⁵ «История Датская, сочинённая господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания Артиллерии капитан Яков Козельский». Обращение к читателю. Ч. 1-я. СПб. 1765.

²⁶ Там же, стр. 28.

²⁷ Там же, стр. 99.

²⁸ Там же, стр. 129.

²⁹ «История Датская, сочинённая господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания надворный советник Яков Козельский». Ч. 2-я, стр. 59. СПб. 1766.

³⁰ Там же, стр. 339.

³¹ Там же, стр. 41.

³² См. Радищев А. Полное собрание сочинений. Т. II, стр. 229—328. М.-Л. 1941.

строй, при котором «одна часть народа едят, пьют, веселятся... а другая часть народа... работают без отдыха»³³. Этому несправедливому строю он противопоставляет свои рассуждения об устройстве общества, в котором все умеренно труятся, где отсутствуют праздность, неумеренная роскошь и нет места нищете.

В 1766 г. Козельский переходит на статскую службу и получает чин надворного советника. По данным на начало 1767 г. он состоит секретарём одного из департаментов сената и в том же году избирается депутатом от Полтавского пикнерного полка в созданную Екатериной II «Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения»³⁴.

К этому времени относится его главный труд — «Философические предложения». Козельский писал эту работу, по его собственному признанию³⁵, лишь около года и выпустил её в свет в 1768 году.

В этой работе он оценивает разные теории и учения с точки зрения значимости их для практики, для достижения «общего благополучия». Философию он делит на теоретическую и практическую. Более важной Козельский считает практическую часть, нравоучительную философию, ибо «философия... заслуживает особое уважение не только для содержания в ней оснований по всем другим наукам, сколько для правил к исканию благополучия»³⁶. Теоретическую часть он делит на логику и метафизику, а практическую — на юриспруденцию и политику.

По вопросам практической философии, говорит он, «основательно писали» лишь Руссо, Монтескье, Гельвеций и некий Аноним. Козельский имеет в виду изданную анонимно «Моральную философию» Шефтсбери в вольном переводе с английского Дидро³⁷. Поскольку речь идёт о вольном переводе, можно считать, что во французском издании «Моральной философии» от-

ражены не только взгляды Шефтсбери, но и переводчика — Дидро, повлиявшего, таким образом, на формирование воззрений Козельского.

Характерно, что он не упоминает Вольтера, возводившего общественное неравенство в закон жизни. Екатерина II и фрондирующее дворянство восторгались тогда Вольтером и ненавидели Руссо³⁸. А для Козельского вождем демократического крыла французского просвещения Руссо, «как высокопарный орёл, превзошёл всех бывших до него философов»³⁹.

В вопросах философских (которые освещаются ниже) автор «Философических предложений» занимал самостоятельную позицию, критически оценивая и перерабатывая воззрения крупнейших мыслителей своего времени. Особый интерес представляют критическое восприятие и предостережение им учения Руссо, которого он так высоко ценит. В «Философических предложениях» Козельский излагает свой идеал общественного устройства и пути его достижения.

Замечательна роль Козельского в Комиссии: он выступил против законопроекта о преимуществах дворянства, требовал предоставления дворянского звания за выслугу лицам низших сословий и законодательного ограничения родительской власти над детьми. Никто из депутатов не выступал с такой решительностью, как Козельский, в пользу крестьянства: он требовал твёрдого определения и ограничения крестьянских повинностей, предоставления крестьянам не только права собственности на движимое имущество, но и права наследственного владения землёй.

Отсюда понятно, почему его в комиссии поддерживали депутаты от горожан, однодворцев, черносошных крестьян и почему против него так резко выступал дворянский лидер — князь М. М. Щербатов — и другие дворяне-депутаты. Повидному, желая избавиться от беспокойного представителя в Комиссии, Козельского в декабре 1768 г., в

³³ «Государь и министр, книга, сочинённая господином Мозером, с немецкаго языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским». Предисловие переводчика. СПб. 1766.

³⁴ «Имянный список господам депутатам, выбранным в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, кто из которого места выбран, и кто кому именно здали, также в разныя учреждённые от большого собрания частныя Комиссии определены и ныне действительно находятся Генваря по 1 число, 1768 года», стр. 55, № 535. Печатан при Императорском Московском университете.

³⁵ «Философические предложения, сочинённые надворным советником и Правительствующаго Сената секретарём Яковом Козельским». Обращение к читателю. СПб. 1768.

³⁶ «Философические предложения». Обращение к читателю.

³⁷ «Philosophie morale réduite à ses principes, ou Essai de S***». 1751. Козельский не знал имени автора и переводчика. Их имена установлены нами по «Dictionnaire des ouvrages anonymes». Т. III, p. 878. 1875.

³⁸ «Вольтер и Руссо, — пишет Герцен, — почти современники, а какое расстояние делит их! Вольтер ещё борется с невежеством, за цивилизацию, — Руссо клеймит уже позором самую эту искусственную цивилизацию. Вольтер — дворянин старого века, отворяющий двери из раздушённой залы рококо в новый век; он в галунах, он придворный; он раз был на большом выходе, и, когда Людовик XV проходил, церемониймейстер назвал его по имени Франсуа-Мари-Аруэта; по другую сторону двери стоит плебей Руссо, и в нём ничего уж нет du bon vieux temps (от доброго старого времени. — И. Б.). Едкие шутки Вольтера напоминают герцога Сен-Симона и герцога Ришелье; остроумие Руссо ничего не напоминает, а предсказывает остроты Комитета общественного благосостояния». (Письма об изучении природы, письмо восьмое. 1845 г. Герцен и А. Полное собрание сочинений и писем. Т. IV, стр. 180. 1919).

³⁹ «Философические предложения». Обращение к читателю.

числе других депутатов, под предлогом «нынешнего военного времени» (войны с Турцией. — И. Б.), освободили от депутатских обязанностей и отправили в армию⁴⁰.

В 1770 г. Козельский получил чин коллежского советника⁴¹ и был назначен членом «Малороссийской коллегии»⁴², находившейся в городе Глухове. В этой должности он состоял до 1778 года⁴³.

В 1770 г. вышел сборник избранных статей из знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, в переводе Козельского. Первая часть сборника⁴⁴ содержит философские статьи, вторая — ряд юридических статей, статья об этике и статью о политике⁴⁵. Выход в свет сборника имел большое значение для распространения в России идей французских энциклопедистов-просветителей.

В дальнейшем для Козельского, повидимому, возникли затруднения в опубликовании своих работ в связи с его пребыванием в армии и затем, по всей вероятности, вы-

нужденной продолжительной службой в провинции. Да и вообще со второй половины 70-х годов XVIII в., после разгрома крестьянской войны под предводительством Пугачёва, сложилась неблагоприятная общая обстановка для литературной деятельности радикальных мыслителей.

После восемнадцатилетнего литературного молчания⁴⁶ Козельский в 1788 г. выпустил в свет первый том задуманной им популярной энциклопедии знаний, которую он изложил в распространённой в литературе того времени форме диалога — «Разсуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании»⁴⁷. В этом диалоге устами Ибрагима говорит автор⁴⁸.

В то время как в «Философических предложениях» Козельский ставит главной задачей ответ на вопросы личной и общественной морали, «Разсуждения двух индий-

⁴⁰ См. РИО. Т. XXXVI, стр. 149. 1882.
⁴¹ См. приведённый ниже титульный лист второй части сборника избранных и переведённых Козельским статей из французской «Энциклопедии».
⁴² «Месяцеслов с росписью чиновных особ в Российском государстве... 1771 г.», стр. 197. В Санкт-Петербурге при Имп. Академии наук.
⁴³ «Месяцеслов... 1778 г.», стр. 333.
⁴⁴ «Статьи о философии и частях её из Энциклопедии, переведённые надворным Советником Яковом Козельским». Часть I-я, при Императорской Академии наук. 1770 года.
⁴⁵ «Статьи о нравоучительной философии и частях её из Энциклопедии, перевёл коллежский советник Яков Козельский». При Императорской Академии наук. 1770 года.
⁴⁶ Плавильщиков В. («Роспись российским книгам для чтения». Ч. 3-я, стр. 464, № 6125. СПб. 1820) и митрополит Евгений («Словарь русских светских писателей». Т. I, стр. 295. М. 1845) приписывают Я. П. Козельскому появившуюся в 1778 г. трагедию «Велесана». Это утверждение, повидимому без всякой проверки, нашло распространение в последующих справочных изданиях (Т. Геннади «Справочный словарь о русских писателях и учёных». Т. II, стр. 147. Берлин. 1880; «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Т. XV-A, стр. 596. СПб. 1895; «Новый энциклопедический словарь». Т. XXII, стр. 98; «Русский биографический словарь». Том «Кнаппе—Кюхельбекер», стр. 38. 1903) и даже в специальной статье о Козельском («Русская старина» за декабрь 1906 г., стр. 571). Между тем трагедия «Велесана» написана не Я. П. Козельским, а его племянником Ф. Я. Козельским и вошла в собрание сочинений последнего («Сочинения Фёдора Козельского. Второе издание, исправленное и вновь приумноженное». Ч. 2-я, стр. 67—133. Печатано при Академии наук. СПб. 1778). Таким образом, литературное молчание Я. П. Козельского продолжалось без перерыва с 1770 по 1788 год.

⁴⁷ В том же году появилось другое издание — с незначительными отличиями от «Разсуждений» в содержании и стиле, без указания фамилии автора и под иным, подробным заглавием: «Китайский философ, или учёные разговоры двух индийцев Калана и Ибрагима, т. е. философические рассуждения о человеческих познаниях, касательно физики, врачебной науки, испытания природы и её таинств, естественно историческую открываемых; а именно: о стихиях, земле, воде, воздухе, и огне, о человеке и животных, о растениях и ископаемых минералах, во врачевстве употребляемых; о тяжести, движении и покое земных тел и проч. изданным Н. М. А.» (СПб). 1788. Издатель, подписавшийся инициалами «Н. М. А.», — знаменитый русский врач второй половины XVIII в., профессор акушерства Н. М. Максимович, выступавший в литературе под именем М. Максимович-Амбодик. Какое из этих изданий было первым? Нельзя допустить, чтобы первое издание книги могло появиться с указанием, а второе без указания фамилии автора. Обратное же положение имело зачастую место в литературной практике XVIII в. и в России и за границей. Сочинение, изданное анонимно, в случае успеха издавалось вновь, но уже с указанием фамилии автора. Полагаем поэтому, что первым было издание Максимовича-Амбодика.

цов» ограничиваются натурфилософскими темами. Повидимому, Козельский к старости потерял интерес к вопросам социальной философии, которые так волновали его раньше.

«Разсуждения двух индийцов» были изданы после того, как автор возвратился в Петербург⁴⁹.

В конце 1788 или начале 1789 г. Козельский в чине статского советника поступил на службу в «Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения» на должность «сочинителя» при Дирекционной комиссии⁵⁰. Эта работа являлась как бы продолжением деятельности бывшего депутата екатерининской Законодательной комиссии, но уже в явно бюрократической форме.

В 1791 г. наряду с работой в Комиссии Козельский является инспектором «Гимназий чужестранных единоверцев»⁵¹. Последнее упоминание о пребывании его на этих должностях относится к 1793 году⁵². Летом того же года он ушёл в отставку по болезни и поселился в своём небольшом поместье, около Полтавы, — в Крутом Береге⁵³. Год смерти Я. П. Козельского остаётся неизвестным.

Главный философский вопрос — о бытии и сознании — Козельский решает материалистически. «Испытания природы и ея таинств, — говорит он, — есть первейшее дело и упражнение каждого здравомыслящего, разумом одарённого, и бытие своё на земли чувствующаго существа»⁵⁴. В этом положении явно сквозит мысль о первичности материи и вторичности сознания.

Однако Козельский, как и французские материалисты XVIII в., не вышел за рамки метафизического понимания вещей. Он считает, что «существо вещи есть необходимое, вечное неизменное и неизмучуемое»⁵⁵ и что «свойства вещи от существа ея отделяться не могут... оне суть необходимыя, вечныя, неприменныя и неизмучуемыя, а случайности вещи от существа ея отделяться могут»⁵⁶.

Подобно французским материалистам XVIII в. Козельский механически понимает движение: «Всякое тело, ежели оно будет один раз в спокойстве, то пребудет в том спокойстве вечно, ежели оно не приведётся в движение от какой-либо наружной или посторонней силы, также что всякое тело,

ежели оно будет один раз в движении, то соблюдет то движение вечно по одной линии направления и одною скоростью; ежели в том движении не помешает ему какая внешняя или посторонняя причина; и это основание... первой и главнейший закон натуры, на котором основываться должна вся наука о движении»⁵⁷.

Чувственное восприятие, отражая бытие, является основой познания, мышления, говорит Козельский. «Чувствие или понятие какой вещи есть представление ея в мысли нашей: например посредством видения отличаем мы камень от дерева; и такое отличие называется понятие»⁵⁸. Он не признаёт врождённых идей, считает, что мы «получаем понятия... одними чувствами»⁵⁹. Козельский выступает как сенсуалист.

Научное познание, по мнению Козельского, должно быть основано на опыте. Естественное знание достигло блестящих успехов потому, что естественные науки руководствовались «больше наблюдениями и опытами, нежели умствованиями»⁶⁰. Он издевается над теми учёными, «которые слиятся воще подвергнуть своему закону натуру», говорит, что он следует «одной натуральной связи» и отнюдь не заботится о «порядочной лестнице слов». Его материализм был воинствующе направлен против идеализма, против схоластики.

Он убеждён в огромных возможностях человеческого познания, в могуществе науки. В природе нет «тайнства», недоступного для познания. «Это не тайнство, а тайнство состоит в познании силы и действия, пользы и вреда каждой из тех вещей»⁶².

Однако Козельский останавливается перед проблемой «частиц тела». Он вместе с Вольтером считает, что решение этого вопроса надо оставить в разсуждение тому Премудрому существу, которое его создало»⁶³. Агностицизм не вполне, не до конца преодолён им; это связано с его деистическим мировоззрением.

Козельский, так же как Ломоносов до него и Радищев после него, был материалистом в объяснении природы, но так же, как они, был деистом. Козельский считал, что людям не следует заниматься доказательством или опровержением бытия божия, так как это — «не сходное с силами их разума дело»⁶⁴. Несомненно, деизм — показатель непоследовательности, ограниченности материалистического мировоззрения Козельского. Следует, однако, при этом иметь в виду, что в то время деизм был, по крайней мере для материалиста, лишь удобной и мягкой формой избавления от религии. Козельский

⁴⁹ В 1788 г. Козельский писал, что был «в долговременном удалении от сего края, в котором я с молодых лет моих... получил себе воспитание и всю мою фортуна» («Разсуждения двух индийцов». Т. I. Посвящение).

⁵⁰ «Месяцослов... 1789 г.», стр. 101.

⁵¹ «Месяцослов... 1791 г.», стр. 59.

⁵² «Месяцослов... 1793 г.», стр. 63, 110.

⁵³ Модзалевский. В. Указ. соч. Т. II, стр. 391.

⁵⁴ «Китайский философ», эпитафия.

⁵⁵ «Философическая предложения», стр. 40.

⁵⁶ Там же, стр. 41.

⁵⁷ «Разсуждения двух индийцов», стр. 237.

⁵⁸ «Философическая предложения», стр. 5.

⁵⁹ Там же, стр. 11.

⁶⁰ «Разсуждения двух индийцов», стр. 30—31.

⁶¹ «Философическая предложения». Обращение к читателю.

⁶² «Разсуждения двух индийцов», стр. 31.

⁶³ «Философическая предложения», стр. 49.

⁶⁴ Там же. Обращение к читателю.

клеимил вероломство и ханжество папского престола, нападал на реакционную деятельность церкви.

★

Для Козельского, так же как впоследствии и для Радищева, содержанием жизни и деятельности людей является «искание благополучия» всего человеческого рода⁶⁵.

Он согласен с Руссо, что человечество было счастливым «в натуральном состоянии», когда люди жили-де обособленно, вне общества, когда не существовало «собственности имения», и не появились ещё «науки и искусства»⁶⁶. Козельский разделяет историческое объяснение общественного неравенства, причину которого Руссо видел в частной собственности, возникающей на определённой ступени экономического развития. Он, как и Руссо, стоит на точке зрения договорного происхождения государства, считает, что «человек чрез договор с обществом теряет натуральную вольность»⁶⁷.

Однако, в то время как у Руссо наука и искусства портят нравы, делают людей несчастными, Козельский признаёт объективно прогрессивную роль «науки и искусства» в процессе общественного развития: «Когда род человеческий... позабыл своё натуральное состояние, а вместо того навыв общественному бытию... необходимость заставила его, — говорит он, — искать удовольствия... через искусство и науку»⁶⁸.

Козельский приходит к решительному заключению, что польза или вред науки, искусства, промышленности зависят от того, в чьих руках они находятся: наука, искусство, промышленность «полезны, они нужны... а всё зло и весь вред происходит от худого их употребления»⁶⁹. «Худое употребление» науки, искусства, промышленности имеет место при общественном неравенстве, обусловленном возникновением и существованием частной собственности.

Историческое объяснение предпосылки неравенства, которую Козельский усматривает в процессе появления на определённой ступени экономического развития частной собственности, показывает наличие в социальной философии Козельского элементов материализма. Материалистические элементы у него сильнее, чем у Руссо, поскольку Козельский даёт объективно историческую оценку роли науки, искусства, промышленности, видит в частной собственности не главную, как Руссо, а единственную причину общественных бедствий.

В то же время договорная теория происхождения государства у Козельского, как и у

Руссо, неверна исторически и насковзь идеалистична. Из этой идеалистической теории он делал радикальный вывод — о необходимости нового общественного договора.

В поисках счастья народ уже не может, по мнению Козельского, вернуться «в натуральное состояние», отказаться от жизни в обществе и оставить науки. Это было бы возможно, если бы «ещё весь род человеческий был в натуральной простоте». Теперь же если какой-либо народ вздумает вернуться вспять, то «другие учёные народы в краткое время и с великим аппетитом его скушают». И тогда этот народ «от сих просвещённых волков безсумненно убеждён будет о вредности своей простоты»⁷⁰. Неправильно считая, что «золотой век» человечества позади, Козельский дал правильное, материалистическое объяснение вредности, реакционности движения народа вспять и обосновал необходимость прогрессивного развития общества к лучшему будущему.

Каков же социальный идеал Козельского? Он, как и Руссо, предлагает новый общественный договор. Человек должен отказаться от своего естественного права на «натуральную вольность» и на всё то, «что его искушает и что он достичь может». Взамен этого через общественный договор он «приобретает гражданскую вольность и собственность имения»⁷¹.

Таким образом, человек, «будучи натурально не равен силою и разумом, другому делается равным по договору и по праву»⁷¹. Козельский считает, что «весьма не полезны великия различия состояний человеческих в обществах, а лучше им быть посредственными». Он полагает, что его идеальное общество будет построено «так, чтоб одни люди не могли презирать и утеснять других»⁷².

Правильно усматривая в возникновении частной собственности источник общественного неравенства и эксплуатации человека человеком, Козельский вместе с тем частную собственность считает основой идеального общественного строя. В этом, как и у Руссо, заключается внутренняя противоречивость учения Козельского об обществе. Эта противоречивость объясняется непониманием Козельским того, что на основе мелкой частной собственности, простого товарного хозяйства, неизбежно вырастают капиталистические отношения, развиваются общественное неравенство и эксплуатация.

Благополучие идеального общества Козельский видит «в добронравии его и трудолюбии»⁷³. Частные интересы должны согласоваться с интересами общества в целом. Считая, что общество должно принимать участие «при всяком худом приключении одного гражданина»⁷⁴, Козельский подходит к мысли о создании общественного страхового фонда для возмещения убытков, в первую очередь от огня.

⁶⁵ «Философическая предложения». Обращение к читателю.

⁶⁶ Под «искусствами» тогда понимали не только различные области искусства в современном смысле этого понятия, но также и различные отрасли промышленного производства.

⁶⁷ «Философическая предложения», стр. 180.

⁶⁸ Там же. Обращение к читателю.

⁶⁹ «Разсуждения двух индийцев». Предисловие, стр. V.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, стр. 196.

⁷² Там же, стр. 182.

⁷³ Там же, стр. 187.

⁷⁴ Там же, стр. 187.

Законом общественной жизни должна быть умеренность: не должно быть ни нищеты, ни роскоши. Тогда, по мнению Козельского, не будет зависимости людей друг от друга, а потому не будет и эксплуатации. Он предлагает кроме того оградить общество от эксплуатации законодательным порядком: «не дозволить никакому другому заимствованию кроме равноценного»⁷⁵.

В этом идеальном обществе все должны трудиться. Труд является обязанностью каждого гражданина. Возможно и полезно в случае надобности принуждение к труду. Но труд не должен быть тяжёлым бременем, «которое может укоротить жизнь человеку». Тем более что чрезмерный труд менее производителен, чем умеренный: от «неусыпанных трудов... натурально приходит меньше плода, нежели от умеренных». Козельский считает, что «для труда человеку довольно восьми часов в сутки, другие восемь часов может он употребить на одевание, кушанье и забаву, а третьи восемь часов на сон».

Козельский считает, что «не золото и серебро, а трудолюбие составляет богатство народов»⁷⁶. Что касается денег, то он их рассматривает, как «знаки, сделанные из металлов», которые «для способной размены вещей выдуманы»⁷⁷. Таким образом, в противоположность меркантилистам, он рассматривает деньги не как богатство, а лишь как орудие обращения, средство обмена, а их происхождению даёт рационалистическое, идеалистическое объяснение.

Источник обогащения праздной части общества он видит в труде другой части общества во всех отраслях производства⁷⁸. В вопросе об источниках богатства Козельский отличается от меркантилистов, видевших непосредственный источник богатства во внешней торговле, т. е. в сфере обращения, и от физиократов, усматривавших лишь в земледелии действительный источник богатства. Отличаясь от меркантилистов и физиократов, усматривавших истинный источник богатства в той или иной особой форме реального труда, Козельский рассматривает труд вообще в качестве источника богатства.

Козельский горячо возражал против взглядов, которые разделял Монтескье, а в России — Шербаков⁷⁹, — о пользе существования роскоши у одной, меньшей части общества, которая якобы содействует развитию промышленности, науки, искусства, росту народного богатства. Он считал, что общество, богатства которого сосредоточены у немногих, «всегда... несравненно хуже будет того, в котором сначала хотя и гораздо меньше было денег, нежели у первого, да оне

(деньги. — И. Б.) разделены были между гражданами»⁸⁰.

Нападая на роскошь, с одной стороны, и на чрезмерный труд — с другой, Козельский не считает, что труд человека должен удовлетворять лишь текущие его потребности. Он полагает, что нужно создавать сверх того «запас для нужды в предбудущее время»⁸¹.

Придавая огромное значение воспитанию как средству ко введению добронравия⁸², Козельский вместе с тем считает, что «выполировать народ иначе нельзя, как через облегчение его трудностей»⁸³. Таким образом, он отстаивает материалистический принцип, что экономическое положение определяет возможности воспитания, что социальные реформы должны предшествовать распространению воспитания, а не наоборот, как думали идеалисты.

Правда, подобно французским материалистам, он рассматривал самое экономическое положение как продукт законов, определяемых воззрениями людей, т. е. идеалистически.

Идеализм Козельского в социальной философии сказался также в предлагаемом им общественном договоре, в котором он усматривает средство общественного переустройства. Он сам говорил, что его проект могут признать утопией, напоминающей республику Платона. В защиту своего предложения он приводит рационалистический довод: если «люди к погублению других выдумали... целую военную науку, то кажется то же бы они могли сделать и в рассуждении своего благополучия»⁸⁴.

Несмотря на наличие материалистических элементов, социальная философия Козельского идеалистична. Козельский дал материалистическое объяснение природы и идеалистическое объяснение общества. К характеристике его взглядов вполне применимы высказывания классиков марксизма-ленинизма о французских материалистах XVIII века⁸⁵. Подобно им, Козельский, будучи материалистом в естествознании, сохранял идеализм «вверху» — в области общественной науки.

Острие мысли Козельского направлено против феодализма, против различных форм феодального гнёта и феодальных ограничений. Он отстаивает свободу слова и печати, ибо наука «умирает без вольности»⁸⁶, считает, что политические вопросы должны обсуждаться всеми гражданами. Он ставит в пример Англию, где «самый простой мешанин читает ведомости и рассуждает о поли-

⁸⁰ «Философические предложения». Обращение к читателю.

⁸¹ Там же, стр. 200.

⁸² «Философические предложения», стр. 193.

⁸³ Там же, стр. 198.

⁸⁴ Там же, стр. 206.

⁸⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. XIV, стр. 647—649; Ленин, Соч. Т. XIII, стр. 197.

⁸⁶ «Разсуждения двух индийцев», стр. 37.

⁷⁵ «Философические предложения». Обращение к читателю, стр. 197.

⁷⁶ Там же, стр. 200—201.

⁷⁷ Там же, стр. 125.

⁷⁸ См. предисловие Козельского к его переводу книги Мозера «Государь и министр».

⁷⁹ Шербаков М. Соч. Т. I, стр. 253

тических делах и правлениях»⁸⁷. Вместе с тем Козельский против механического подражания другим народам, так как «обществам, а наипаче великим не пристойно смотреть на образы других»⁸⁸. Он за самостоятельный путь развития каждого народа с освоением того лучшего, чего достигли другие народы⁸⁹.

Объективно идеальное общество Козельского представляет собою общество свободных мелких товаропроизводителей, которое в своём развитии неизбежно должно превратиться в капиталистическое общество, в буржуазное государство. В этом — но, понятно, не только в этом — прогрессивность социальной философии и экономических воззрений Козельского.

Государственная власть будет идеальной тогда, «когда обладатели философствовать или философы обладать станут»⁹⁰, то есть когда будет «просвещённая власть». Козельский говорит о «просвещённой власти» вообще в то время, когда западноевропейские энциклопедисты-просветители говорили обычно лишь об одной форме «просвещённой власти» — о «просвещённом абсолютизме».

Замечательны для своего времени суждения Козельского о том, что внешняя сила и безопасность страны определяются её внутренним благосостоянием. «Наружная безопасность общества главную силу заимствует от внутреннего его благосостояния», — говорит он. Внутреннее же благосостояние общества должно строиться на основе экономической и политической независимости, «так, чтоб как можно меньше зависеть ему от других обществ». Однако независимость он не отождествляет с изолированностью, так как обществам быть без какой-либо зависимости почти не можно⁹¹.

Козельский — сторонник тесного взаимного общения свободных и независимых народов.

Он противник войн — «несчастливого жребия, от коего стонут отягощённые войною народы»⁹². Войны, даже победоносные, наносят народному хозяйству огромный ущерб, они отвлекают людей от производительного труда. «Ежели б употребить то число людей, которые бывають в кампаниях против неприятеля, к какому-либо другому делу, то чаятельно они не меньше принесли трудом своим пользы, как и победою своею»⁹³.

Для того чтобы сохранить и обеспечить тесное общение свободных и независимых народов, должно господствовать «доброе и справедливое... обхождение с другими народами» со стороны каждого народа. Но так как это будет неизбежно нарушаться, то «содержание каждому обществу себя в во-

оружённом состоянии необходимо»⁹⁴. Козельский оправдывает лишь войны, вызываемые необходимостью защиты, справедливые войны, когда «все миролюбивые и добродетельныя средства безуспешны будут»⁹⁵. Поэтому он считает необходимым укреплять обороноспособность каждого государства.

Вместе с тем он настаивает на ограничении контингента армии в мирное время: «Содержать столько войска, которое б пропорционально было пространству земли и количеству народа». Однако это возможно лишь в том случае, если «во всех, а наипаче в пограничных местах... приучивать всякаго звания людей без изытания уметь обходиться с оружием»⁹⁶. Козельский защищает демократический принцип всеобщего военного обучения, с тем чтобы ограничить численность армии в мирное время.

Войны, заполнявшие последнюю треть XVIII в., вызвали большой интерес в русском обществе к вопросам войны и мира. Эти вопросы обсуждались в русской литературе того времени. Кроме статей в журналах появляются две переводные работы, специально посвящённые этому вопросу.

Первая из них представляет «Проект о вечном мире» аббата де Сент-Пьера в сокращённом изложении Руссо⁹⁷, перевод И. Богдановича⁹⁸.

Вторая работа — «Мир Европы или проект всеобщего замирения»⁹⁹.

⁸⁷ Там же, стр. 208.

⁸⁸ «Философическия предложения», стр. 218.

⁸⁹ Там же, стр. 222.

⁹⁰ «Сокращение, сделанное Жан Жаком Руссо, Женевским гражданином, из проекта о вечном мире, сочинённого господином Абатом Де-Сент Пьером. Переведено с французскаго в Санкт-Петербурге. 1771 года».

⁹¹ В книге фамилия переводчика не указана. Принадлежность перевода И. Богдановичу указана у В. Сопикова «Опыт Российской Библиографии, или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Словенском и Российском языках от начала заведения типографий до 1813 года». Часть IV, стр. 475—476. СПб. 1816.

⁹² «Мир Европы или проект всеобщаго замирения. Мир Европы не может иначе возстановиться, как только по продолжительном перемирии или проект всеобщаго замирения, сопряжённого купно с отложением оружий на двадцать лет между всеми политическими державами. Переведено с французскаго языка в стане перед Очаковым в 1788 в течение солнца через небесные знаки (следуют небесные знаки сентября, октября, ноября и декабря. — И. Б.). Печатано с дозволения указнаго у Вильковскаго в СПб». 1789. «Посвящение» переводчика подписано инициалами «Р. Ц.». Это инициалы (см. Сопиков В. «Опыт Российской Библиографии». Ч. 3-я, стр. 386. СПб. 1815) Романа Цебрикова (1763—1817), известного переводчика, члена Российской академии. Интересно отметить, что он мечтал о «всеобщем замирении» накануне одной из крупнейших в то время битв — штурма русскими войсками Очакова.

⁸⁷ «Философическия предложения», стр. 177.

⁸⁸ Там же, стр. 204—205.

⁸⁹ См. там же.

⁹⁰ Там же. Обращение к читателю.

⁹¹ «Философическия предложения», стр. 208.

⁹² Там же, стр. 220.

⁹³ Там же, стр. 221.

Впротивовес милитаризму господствующей верхушки Козельский в вопросах войны и мира развивал идеи, разделявшиеся лучшими, передовыми умами той эпохи, находившие горячий отклик в прогрессивных кругах тогдашнего русского общества.

Козельский наивно полагал, что человечество может добровольно прийти к его общественному идеалу, путём заключения общественного договора.

Вместе с тем он оправдывал восстание угнетённых, «которые, великими обидами утесняемы будучи от выших себя», становятся «при способном для них случае очень мстительны». Месть их тем сильнее, чем больше они вынуждались «к долголетнему терпению». Сравнивая гнев угнетённых против угнетателей с прорвавшейся рекой, которую долго сдерживала плотина, Козельский считал, что в случае восстания угнетённых «по справедливости почесть их можно за невиновных»¹⁰⁰. Эти строки писались во время работы екатерининской Законодательной комиссии, когда в дворянском обществе господствовала вера в возможность умиротворения социальных конфликтов законодательным путём; они писались за пять лет до крестьянской войны под водительством Пугачёва.

★

Депутаты в «Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения» в соответствии с «Положением», составленным Екатериной II, избирались от разных групп населения.

Дворяне избирали по одному депутату от уезда. Жители каждого города избирали одного депутата. Для однодворцев, пахотных солдат и государственных крестьян было установлено единообразное представительство. Каждая из этих трёх групп избирала одного депутата от каждой провинции. От «некочующих разных народов» посылался один депутат от каждого народа и провинции, да и то по назначению «местного начальства»¹⁰¹.

Число депутатов от казачьих войск, в том числе и от Запорожского войска, должны были определить «высшая команда». Для «Малороссии» избирательным округом являлся полк¹⁰². Депутатом от Полтавского пикнерного полка и был избран Я. П. Козельский.

Сенат, синод, коллегии и канцелярии, то есть центральные государственные учреждения, представлялись одним депутатом от каждого учреждения, по назначению сената. Помещичьи крестьяне и «экономические», то есть бывшие монастырские крестьяне, не имели представительства.

¹⁰⁰ «Философические предложения», стр. 156.

¹⁰¹ См. Флоровский А. «Состав Законодательной комиссии 1767—1774 гг.», стр. 91—148. Одесса. 1915; см. также Лонгинов М. «Материалы для истории Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения 1767—74 гг.» («Русский вестник», декабрь 1861 г.).

Комиссия располагала материалом, подготовленным елизаветинской Законодательной комиссией в 1754—1761 годах¹⁰³. Ряд вопросов перед Комиссией был поставлен в екатерининском «Наказе»¹⁰⁴. Кроме того депутаты сами выдвинули многие вопросы, связанные с разработкой Нового Уложения. В депутатских наказах¹⁰⁵ были отражены мнения, чаяния разных групп населения, за исключением наиболее многочисленной его части—крепостного крестьянства.

Дворянство в своих наказах¹⁰⁶ требовало не только сохранения, но и расширения дворянских прав и привилегий. Оно требовало монополии на эксплуатацию крепостного труда, стремясь таким путём в условиях недостатка вольнонаёмной рабочей силы вытеснить нарождающуюся буржуазию из промышленности. Дворянство ещё раньше добилося существенного ограничения прав купцов на эксплуатацию труда крепостных. Сенатский указ 1752 г. определил для них максимум рабочих людей, который разрешалось покупать к каждому стану, молоту, домне¹⁰⁷. Через десять лет Пётр III вовсе запретил покупку «к фабрикам и заводам» крестьян с землёй и без земли¹⁰⁸. В том же, 1762 г. этот запрет был подтверждён Екатериной II. Высочайше утверждённый доклад сената предлагал «всем фабрикантам и заводчикам отныне к их фабрикам и заводам деревень с землёй и без земли покупать не дозволять, а довольствоваться им вольными наёмными по паспортам за договорную плату людей

¹⁰³ О порядке выборов в «Малороссии» см. указ. соч. Флоровского, стр. 477—485.

¹⁰⁴ См. Латкин В. «Законодательные Комиссии в России в XVIII столетии». Т. I, стр. 80 сл. 1887.

¹⁰⁵ «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения». Лучшее издание—Академии наук под ред. Н. Чечулина. 1907.

¹⁰⁶ См. «Исторические сведения о Екатерининской Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения» (РиО. Томы 4, 8, 14, 32, 36, 43, 68, 93, 107, 115, 123, 134, 144 и 147). В указанных томах дневники заседаний и депутатские наказаы.

¹⁰⁷ См. С. Б-ва (Брюллова С.) «Общественные идеалы в Екатерининскую эпоху. Дворянские наказаы» («Вестник Европы». Т. I за 1875 г.); Веретенников В. «К истории составления дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 года». «Записки Харьковского университета». Кн. 4-я за 1711 г. Часть неофициальная, стр. 1—32, Пресняков А. «Дворянский и крестьянский вопрос в Екатерининской Комиссии». «Великая реформа». Т. I, стр. 204—217, 1911 г.; его же «Дворянский и крестьянский вопрос в наказах». Там же, стр. 191—203.

¹⁰⁸ См. «Полное собрание законов» (ПСЗ). Т. XIII, № 9954.

¹⁰⁹ Там же. Т. XV, № 11490.

ми»¹⁰⁹; за «фабрикантами и заводчиками» из купцов, не имевшими личного права покупать и владеть крепостными, сохранялась возможность пользоваться трудом лишь тех крестьян, которые были приобретены «к заводам» до 1762 года.

Если среди промышленников петровского времени было мало дворян, то уже при Елизавете и особенно при Екатерине II встречается значительное число дворян-предпринимателей¹¹⁰.

В условиях экономического и политического господства дворянства экономическая политика после Петра I принимала формы покровительства, по преимуществу дворянскому предпринимательству.

В екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. дворянство отстаивало для себя исключительное право собственности на землю и крестьян. Депутат князь М. М. Щербатов, опираясь на данный ему Ярославским дворянством наказ¹¹¹, кстати сказать, составленный самим же Щербатовым, требовал, чтобы деревни, приобретённые купцами до указа 1762 г., были у них отобраны.

Дворянство не удовлетворяется монополией на эксплуатацию крепостного труда во всех отраслях народного хозяйства. Оно требует вообще монополии хозяйственной деятельности в земледелии, в промышленности, обрабатывающей сельскохозяйственное сырьё, в торговле (оптовой и экспортной) продуктами сельского хозяйства, в откупах вина, пива, мёда и т. д.

Для обоснования этого требования помещики ссылались на «естественное право»: раз земля дворянская, то всё, что произрастает на земле, и всё, что перерабатывается из продуктов земли, должно-де принадлежать дворянам. Стремясь всячески стеснить купеческое предпринимательство, дворянские идеологи одновременно добивались более широкого развития крестьянских промыслов, увеличивавших оброчные доходы помещиков.

Большинство дворянских депутатов высказывалось против развития купеческой мануфактуры, составлявшей преобладающую часть крупных промышленных предприятий страны. Многие дворянские наказа настаивали на господстве «дворянского корпуса» в местном управлении. Некоторые дворянские наказа возражали против пополнения рядов дворянства путём «заслуги» лицами из других сословий. Эти требования дворянства нашли отражение в «Проекте правам благородных»¹¹². Украинское дворянство стремилось к уравниванию в правах с российским, наряду с сохранением и восстановлением «разных старинных прав»¹¹³.

Прибалтийские дворяне-немцы держались сепаратистских и наиболее реакционных тен-

денций. Они настаивали на автономии, на сохранении всех своих привилегий и требовали введения рабовладельческих законов¹¹⁴.

Купечество боролось за восстановление былого права на покупку «к заводам» крепостных деревень, против развития крестьянских промыслов, требуя ограничений и даже запрещения промышленной и торговой деятельности дворянства. Таким образом, купечество стояло на реакционных позициях. Оно настаивало на расширении крепостнических отношений.

Разные группы незакрепощённых крестьян и народы Поволжья жаловались на бесправие, говорили о тяжёлом бремени налогов и государственных повинностей, о произволе чиновников, о захвате крестьянских земель помещиками.

Крепостное крестьянство в Комиссии не было представлено¹¹⁵. Оно давало знать о своём положении, о своих чаяниях путём жалоб и протестов против крепостного гнёта.

Первое выступление Козельского в Комиссии было связано с обсуждением законов о дворянстве. Горячие споры вызвало обсуждение петровского закона от 16 января 1721 г.¹¹⁶ и пункта пятнадцатого петров-

¹¹² РИО. Т. XXXII, стр. 575—585.

¹¹³ См. «Депутатские наказа и всеподданнейшая челобитья от шляхетства Малороссийской и от дворян Слабодской Украинской губернии». РИО. Т. LXVIII, стр. 127—236. Прошение малороссийского шляхетства и старшин вместе с гетманом о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 г. «Киевская старина». Т. VI, стр. 317—345. 1883, июнь.

¹¹⁴ См. «Депутатские наказа от дворян Эстляндской и Лифляндской губерний». РИО. Т. LXVIII, стр. 45—84. Особую реакционность немецкого дворянства прибалтийских губерний подчёркивали также известные лифляндские общественные деятели и писатели XVIII в.: Эйзен — «Eines livländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft wie solche in Livland über die Bauern eingeführt ist». «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. IX. St.-Petersburg, и Меркель — «Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия, дополнение к народоведению и человекознанию». 1800 («Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 1-я, отд. IV (1870).

¹¹⁵ До нас дошло свидетельство того, как оценивала наиболее сознательная часть крепостного крестьянства отсутствие представительства в Законодательной комиссии. В произведении под названием «Плач холопов», принадлежащем неизвестному поэту, по всей видимости крепостному, встречаются такие строки:

«В свою ныне пользу законы переменяют:
Холопей в депутаты затем не выбирают.
Что могут-де холопы там говорить!»

Отдали им волю до смерти нас морить»,
(«Почин». Сборник Общества любителей российской словесности. стр. 12. 1895).

¹¹⁶ ПСЗ. Т. I, № 3705.

¹⁰⁹ ПСЗ. Т. XVI, № 11638.

¹¹⁰ По данным Мануфактур-коллегии, относящимся к 1770-м гг. — Центральный государственный архив древних и рукописных актов (ЦГАДА), ф. 199, Портфель Миллера, № 385, ч. I, тетрадь I, лл. 6—56.

¹¹¹ См. РИО. Т. IV, стр. 297—314.

ской табели о рангах от 24 января 1722 г.¹¹⁷, согласно которым лица, дослужившиеся до обер-офицерского чина, и их потомки получают дворянское звание.

При обсуждении законов о дворянстве столкнулись два мнения, две точки зрения. Сторонники «породы» считали, что установленные Петром I законы должны быть изменены. В дворянстве не следует принимать в общем порядке, за выслугу, а лишь за особые заслуги, причём присвоение дворянского звания должен производить лишь сам император. Дворяне, по мнению сторонников «породы», обладают особыми правами на занятие ряда высоких должностей и получение наград. «Они имеют, — по выражению депутата князя Щербатова, — преимущественное перед другими званиями право служить отечеству с тем, чтобы им, по их службе и по преимуществам в оной, определена была особая милость». Щербатов требовал предоставить лишь дворянам «право владения деревнями»¹¹⁸.

Против этих домогательств сторонников «породы» выступил Козельский. Он резонно напоминал дворянам, что их предки «начало своего достоинства получили чрез награждение по своим заслугам за верность и добродетель, а не чрез знатность рода»¹¹⁹.

Он говорил, что затруднение доступа в дворянство идёт «в подрыв государственной службе, ибо прочия не дворянския сословия, не видя себе равнаго с дворянами за службу возмездия, будут служить принуждённо без всякой ревности и любви к отечеству». Козельский доказывал, что сторонники «породы» стоят вообще на негосударственной точке зрения, так как если «в нестя» окажется лишь старинное дворянство, то «служба, которую несло всё общество, была для прославления одних дворян, а не для пользы отечества и сохранения целости государства»¹²⁰.

На заявление некоторых дворянских депутатов, что дворянское воспитание даёт лучшую, чем служба, подготовку к занятию высоких постов, Козельский отвечал, что «при одном воспитании, без знания действительной службы и без испытания военного искусства на деле, нельзя быть ни надёжным полководцем, ни добрым гражданским правителем». Тем более, что «сверх воспитания и науки для службы потребны дисциплина и практика». Козельский выражал точку зрения многих недворянских депутатов.

Некоторые дворянские депутаты нападали на тех, вышедших «не из дворян в офицеры», которые, «получа небольшое поместье, стараются распространить его». Это, по мнению дворянских депутатов, являлось недворянским делом; дворянство было против нарушения присущей феодализму неподвижности границ земельных владений. И в этом вопросе Козельский противопоставил дворянскому мировоззрению взгляды, в соответствии с которыми «тот принесёт более пользы, который сохраняет и умножает, нежели тот, кто расточает», взгляды, защи-

щавшие антифеодалную по своей природе мобилизацию земельной собственности. Вместе с тем он был против оценки людей по их кошельку, так как «убожество при добронравии не противно ни чести, ни разуму».

Козельский требовал сохранения петровских законов о дворянстве «без всякой отмены»¹²¹. К его мнению присоединились многие депутаты от горожан, однодворцев, черносотенных крестьян¹²², то есть недворянские элементы Комиссии.

Против Козельского выступил Щербатов. Депутат ярославского дворянства выразил удивление тому, что Козельский «укоряет подлым началом древняя Российския фамилии, тогда как не только одна Россия, но и вся вселенная может быть свидетелем противнаго». В ответ на объяснение происхождения дворянства, которое дал Козельский, Щербатов нарисовал картину происхождения русского дворянства исключительно от знатных родов, противоречащую исторической действительности. Он старался уверить Комиссию, что единственной действенной силой России на протяжении её истории было дворянство. «Будь мне свидетелем, дражайшее общество, в услугах тебе оказанных верными твоими сынами — дворянами древних фамилий... Они, оставя всё и жертвуя своею жизнью, они тебя освободили от чуждаго ига, они приобрели тебе прежнюю родовность...» и т. д. Так Щербатов обосновывал «первое право требования дворян древних родов, чтобы никто с ними без Высочайшей власти не был сравнен»¹²³. Железной логике Козельского Щербатов противопоставил дворянскую фанатерию и пафос незаурядного оратора.

Пётр I, включая в состав дворянства выслужившихся представителей других сословий, укреплял дворянский класс — свою политическую опору. Во второй же половине XVIII в. дворянство значительно возросло количественно и достигло кульминационного пункта своего могущества. Дальнейший количественный рост стал для дворянства не только излишним, но и вредным. Ограничивались возможности увеличения земельных владений для родового дворянства. Произошла борьба за служебные посты и должности между всё возрастающим числом претендентов, которых стало больше, чем свободных должностей. Дальнейший рост числа дворян означал теперь измельчание дворянства.

Это верно подметил ярый защитник дворянских интересов Щербатов. Он говорил, что Петра I «обстоятельства времени и разные случаи принудили... сделать для нашего же благополучия такая положения, которая ныне... от изменения нравов, не только не полезны, но скорее могут быть вредны»¹²⁴. При Петре получение дворянства всеми дослужившимися до офицерского чина «по тогдашним обстоятельствам было необходимо для понуждения дворян вступать в службу». Теперь же, говорил Щербатов, когда

¹¹⁷ ПСЗ. Т. I, № 3890.

¹¹⁸ РИО. Т. IV, стр. 152. 1869.

¹¹⁹ Там же, стр. 187.

¹²⁰ Там же, стр. 188.

¹²¹ Там же, стр. 189.

¹²² Там же, стр. 190.

¹²³ Там же, стр. 193.

¹²⁴ РИО. Т. IV, стр. 149—150.

«российское дворянство... достаточно наклонно и к службе и к наукам», это право надо отменить¹²⁵.

Дворянские депутаты поддерживали Щербатова против Козельского; они правильно поняли в то время интересы своего класса в целом.

Вместе с другими недворянскими депутатами Козельский поддерживал мнение депутата от горожан Дерпта—Якова Урсиуса, который заявлял, что «право иметь гербы — никакое отличное право дворянства, ибо никому не запрещено употреблять гербы для отличия своей фамилии от прочих», и что следует «назначить правила, по которым сограждане ваши должны почестся дворянами»¹²⁶.

На рассмотрение Комиссии поставлены были также две статьи Сысского приказа 1669 года.

Первая статья определяла, что «буде отец или мати сына, или дщерь убьёт до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходили их к церкви Божией... объявлять свой грех всем людям вслух: а смертию отца и матери, за сына и за дочь не казнить»¹²⁷.

Козельский резко осуждал эту статью. Он отмечал, что «по всем законам никто не властен предавать смерти человека, кроме одних законов, а и закон не убивает, но в отпущение за преступления казнить» и что отцовская власть не должна простираться до того, «чтобы человека без приговора законного живота лишать». Последнее, говорил он, подтверждает и разбираемый закон тем, что «отца в тюрьму и церковному покаянию предаёт, признавая его виновным». По мнению Козельского, эта статья противоречива, так как она «отцу в депоубийстве некоторым образом попускает, и обвиняет его». И потому он требует отмены этой статьи, уравнения ответственности за депоубийство с ответственностью за человекоубийство.

По другой статье, «буде, который сын, или дочь учнут бить челом о суде на отца, или на мать и им на отца и на мать ни в чём суда не давать, да их же за такое челобитье бить кнутом, и отдавать их отцу и матери»¹²⁸. Козельский требовал отмены и этой статьи, так как она лишала сына или дочь «законного зачисления перед судом»¹²⁹ чуждых и имущественных прав.

Наиболее интересным было мнение Козельского о мерах к установлению надлежащих отношений между помещиками и крестьянами.

Вопрос о крепостном праве, о положении крестьянства в 60-х годах XVIII в. привлекал внимание всех слоёв общества, вызывал

¹²⁵ РИО. Т. IV, стр. 150; см. также Щербатов М. Соч. Т. I, стр. 252—254, 266—268, 19—628. СПб. 1896 («Размышление о дворянстве» и «Размышления о ущербе торговли, происходящем выхождением великаго числа купцов в дворяне и в офицеры»).

¹²⁶ РИО. Т. XXXII, стр. 225, 276. 1881.

¹²⁷ Там же, стр. 571.

¹²⁸ ПСЗ. Т. I, № 441, ст. 92.

¹²⁹ РИО. Т. XXXII, стр. 571.

страстные споры и в печати, и в правительственных сферах, и в екатерининской Законодательной комиссии, и в Вольном экономическом обществе, учреждённом в 1765 году¹³⁰.

Либеральное меньшинство дворян, как и сама Екатерина II, шло в 1760-х годах по пути поисков некоторой меры уступок крестьянству для того, чтобы сохранить основу — феодально-крепостной строй.

Консервативное, косное большинство дворян-помещиков стремилось сохранить в полной неприкосновенности формы феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства. Но ещё дальше, чем идеологи консервативного большинства русского дворянства (Щербатов, Сумароков), шли идеологи немецких баронов Прибалтики, стремившиеся превратить крепостных крестьян в рабов, возродить в XVIII в. рабство на основе рабовладельческого права — кодекса Юстиниана¹³¹.

Споры вокруг необходимых мероприятий по крестьянскому вопросу в 60-х годах XVIII в. явились началом векового спора по этому поводу между двумя лагерями внутри дворянства: «крепостниками» и «либералами».

Идеологи либерального дворянства ставили вопрос о мероприятиях, которые могли бы в рамках крепостного строя несколько облегчить правовое положение крестьянства, улучшить его материальное состояние и создать стимулы для повышения производительности труда крестьянина путём предоставления ему ограниченного права собственности на движимое имущество (Д. А. Голицын, Сиверс и др.).

Появились даже проекты постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости. Причём этому освобождению должна была предшествовать подготовка крестьян через «воспитание». Среди таких проектов следует выделить проект безземельного освобождения, выдвинутый тогдашним русским посланником в Париже князем Дмитрием Алексеевичем Голицыным¹³². «Дарю свободу моим крестьянам,— писал Голицын.— ...я переношу всю ценность моего состояния на землю. Значит, все старания, все заботы мои будут устремлены на то, чтобы вся моя земля была обработана, чтобы вся она была снята... Существенным в моём хозяйстве будет то, чтобы каждый крестьянин имел участок земли, достаточный не только для его пропитания, но и для обогащения его, ибо чем состоятельнее он будет, тем за высшую цену он станет снимать землю». Крестьянам при их освобож-

¹³⁰ См. Б а к И. «Возникновение русской сельскохозяйственной экономики» (журнал «Социалистическое сельское хозяйство» № 9 за 1945 г.).

¹³¹ См. В и п е р Р. «Лифляндские бароны в роли теоретиков крепостничества» («Исторический журнал» № 11 — 12 за 1943 г.).

¹³² Письмо Д. А. Голицына к А. И. Голицыну от 30 сентября 1770 года. «Сборник Московского главного архива министерства иностранных дел», вып. 2-й, стр. 93 и сл. М. 1881.

дении, по мнению Голицына, следует предоставить в собственность лишь «их пожитки», т. е. движимое имущество. В своём проекте Голицын исходил из признания низкой производительности принудительного труда. Этот проект объективно вёл к превращению русского помещика в лендлорда, а крестьянина — в кабального арендатора.

Наряду с проектами, отражавшими интересы помещиков, выдвигались проекты, исходившие из интересов крестьян.

Алексей Яковлевич Поленов, «академический переводчик», в ответ на объявленную по инициативе Екатерины II Вольным экономическим обществом конкурсную задачу «Что полезнее для общества, чтобы крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны»¹³³, представил проект разрешения крестьянского вопроса. Он подверг резкой критике существующие социально-экономические порядки, изобличая пороки крепостничества, вред последнего для развития страны. В то же время следует отметить нерешительность практической стороны его «проекта», робость его предложений. Он высказался за полное, неограниченное право собственности крестьян на «движимое имение». В отношении же «недвижимого имения» он отстаивает для крестьян лишь наследственное владение. При этом Поленов считает неизбежным нечто вроде выкупных платежей и обработок крестьян. Он не делится до требований отмены личной зависимости крестьян.

Но при всей умеренности его предложений, при всём стремлении показать выгоду своего «проекта» для помещиков Поленов выступал не в защиту интересов помещиков, а с точки зрения «человеколюбия», «общенародной пользы», то есть в интересах крестьянства.

Проект Поленова объективно был направлен на разложение крепостничества и содействие развитию буржуазного строя. Но это отнюдь не была сознательная защита интересов буржуазии. Поленов искренно заботился об интересах народных масс. Плеханов отметил, что «Поленов в значительной степени покинул дворянскую точку зрения». Развитие идей Поленова, говорит Плеханов, легко могло довести «до таких выводов, от которых затрещал бы весь наш тогдашний общественный порядок»¹³⁴.

К числу защитников интересов крестьянства принадлежит и Григорий Степанович Коробьин, которому в конце 1767 или начале

1768 г. передал депутатские полномочия депутат козловского дворянства капитан Семён Муравьёв¹³⁵.

Коробьин выступил в екатерининской Законодательной комиссии с «примечанием» на «читанные о беглых людях и крестьянах законы»¹³⁶.

В своём «примечании» Коробьин находил, что «начало, от которого толь вредныя происходят последствия, состоит в неограниченной власти помещика над именьями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало». Поэтому Коробьин требовал от государства законодательного ограничения крестьянских повинностей помещикам, «чего для надлежит предписать законами, коликую власть имеют помещики над именьями своего крестьянина». Однако Коробьин придавал чрезмерное значение законодательному регулированию, полагая, что «если бы всякий из владельцев известен был, что он не более от своего земледельца потребовать может, как только то, что законами предписано, то сим бы образом, кажется, могли пресечься те злоупотребления»¹³⁷.

Опираясь на екатерининский «Наказ», Коробьин требует законодательно установить «нечто для собственного крестьян имущества» на условиях выкупа, путём ежегодной выплаты «мерной (т. е. умеренной). — И. Б.) дани»¹³⁸, продуктами или деньгами.

Коробьин, как и Поленов, не посягал на личную зависимость крестьян от помещиков; он не ставил вопроса «об ограничении власти господской над именьями его земледельца, ...об ограничении власти помещичьей в разсуждении правления». Власть помещиков над крестьянами, по его проекту, «остается полная, как и ныне». Коробьин говорит, что его проект совпадает с желаниями «добраго владельца» и ему «не препятствует к приведению своих крестьян в лучшее состояние своим благоразумием». Вместе с тем благодаря его проекту «пресечётся токмо воля у худых помещиков разорять своих хлебопашцев»¹³⁹.

В проекте Коробьина требование ограждения имущества крестьянина сочеталось с сохранением полной личной зависимости крестьянина от помещика. «Это была, — замечает Плеханов, — вопиющая непоследовательность, которую поспешили, разумеется, отметить защитники дворянства». Шербаков говорил, что именно крестьянин останется подвластным тому, под чьей властью находится его тело. «Это было как нельзя более справедливо, — отмечает Плеханов. — Но тем более характерно, что даже непоследовательный проект Коробьина вызвал такое сильное волнение в среде дворянских депутатов: он коснулся того, чего, по их убеждению, никто не должен был касаться»¹⁴⁰.

После выступления Коробьина об установлении податей крестьянских помещику Ко-

¹³³ «Труды Вольного экономического общества». Ч. 4-я, стр. 201. 1766.

¹³⁴ Плеханов Г. Соч. Т. XX, стр. 262.

¹³⁵ Депутаты законодательной комиссии 1767 г. имели право передачи полномочий по своему выбору любому лицу, лишь бы оно обладало пассивным избирательным правом. По подсчётам Флоровского, «общее число случаев, когда отдельные избирательные округа оказывались представленными не их избранными, составляет не менее трети всего числа депутатов» (Флоровский А. «Состав Законодательной комиссии 1767 — 1774 гг.», стр. 543).

¹³⁶ РИО. Т. XXXII, стр. 400—410. 1881.

¹³⁷ Там же, стр. 408.

¹³⁸ РИО. Т. XXXII, стр. 409.

¹³⁹ Там же, стр. 410.

¹⁴⁰ Плеханов Г. Соч. Т. XI, стр. 289.

зельский внёс «примечание»¹⁴¹, в котором пошёл значительно дальше Коробьина в защите интересов крестьянства.

Он решительно требовал вмешательства государства в отношения между помещиками и крестьянами, против чего упорно возражало дворянство. Дворяне предлагали самое большее привлечь к ответственности и отдавать в опеку помещиков, разоряющих своих крестьян. Козельский же считал, что «лучше изыскивать способы к предупреждению разорений, так же как и преступлений». Он правильно подчёркивал, что предупредительные мероприятия, имеющие вообще большое значение, играют особо важную роль в самодержавном государстве, где надлежит «многочисленный народ крестьянства... предохранить от дальнейшего их разорения и жалостное состояние бедных крестьян... облегчить»¹⁴².

Козельский остроумно говорил, что такое вмешательство государства во взаимоотношения между помещиками и крестьянами должно удовлетворить всех помещиков — как «угнетателей», так и «человеколюбцев», — ибо «кои неумеренным порабощением своих подданных отягощают будет некоторым воздержанием в поправление же им; а кои из них найдутся человеколюбны и подданным своим не суть тягостны, то без принуждения законного сами себе уже предписали закон и таковым закон будет в похвалу его домостроительству»¹⁴³. Козельский при этом подчёркивал, что число помещиков, дурно обращающихся с крестьянами, возрастает. Он отмечает претензии помещиков на невмешательство со стороны государства, рассматривая это как прихоть «владеть подданными своими беспредельно», нарушающую права государственной власти.

Требование вмешательства государства в отношения помещиков и крестьян, требование законодательного урегулирования этих откошений, было тогда прогрессивным требованием. В то время как Поленов представлял свой проект на усмотрение и волю помещиков, Козельский настаивал на установлении законов, регулирующих отношения крестьян и помещиков, независимо от воли последних. На этой же позиции стояли и другие защитники интересов крестьянства, в том числе Посошков и Коробьин. Однако требования Козельского были шире, глубже и определёнее.

Козельский, возражая против заявлений дворянских депутатов, что помещики-де благодетельствуют крестьян, ссужая их в случае нужды хлебом, скотом и т. д., указывал, что всё это помещики раньше получили от тех же крестьян. «Помещик, сколько бы ни богат был, то он в разужении поместья своего и от него же богат»¹⁴⁴.

По мнению Козельского, крестьян, эксплуатируемых помещиком и обогащающих его, нечего обвинять в лености, пьянстве и мотовстве, раз они лишены собственности и находятся в состоянии крепостной зависимости. «Лучше, кажется, по человеколюбию, стараться возбуждать народ к работе воль-

ной и не томной, то он большой урок вырабатывать будет и не устанет, нежели одною неволю и удручением рабства»¹⁴⁵. Казалось бы, что Козельский должен был отсюда сделать решительный вывод о наделении крестьян землёю. Это вообще вытекало из его общественно-политических и экономических воззрений.

Однако вывода об уничтожении крепостной зависимости он не сделал; он требовал лишь ограничения крепостной зависимости путём государственного регулирования эксплуатации крестьян помещиками.

Козельский предлагает возвести в общегосударственный закон отношения, сложившиеся на его родине — Украине. На Украине, говорит Козельский, крестьяне обычно два дня в неделю работают на уплату государственных податей, два дня на барщине¹⁴⁶, два дня на себя и один день — воскресенье — посвящают молитве. Предложение распространить эти отношения на всю империю должно было бы значительно облегчить положение крестьян центральных и северных губерний. Вместе с тем Козельский предлагал оброк, как и барщину, взимать по оценке двух дней крестьянского труда. Тогда, по его мнению, повинности барщинных и оброчных крестьян будут уравнены. Выбор между барщиной и оброком можно будет поэтому «за разностию климатов, за неспособностью к плодородию земли и по другим обстоятельствам» предоставить в каждом отдельном случае «на волю помещикам и крестьянам»¹⁴⁷.

В то время как государство взимало подати подушно, крестьяне помещику оброк платить или работать должны уже не по душам, а от двора»¹⁴⁸. Тогда выполняемые подворно повинности в пользу помещика, вообще более обременительные, чем государственные подати, не создадут, по мнению Козельского, у крестьян стимула к сокращению деторождения, дадут возможность количественного роста крестьянства. В результате возрастут, говорит он, государственные доходы от подушного обложения. Такое сочетание в условиях крепостничества принципов взимания государственных податей и выполнения повинностей в пользу помещика, по мнению его автора, содействовало бы одновременно росту населения и увеличению доходов казны.

Козельский значительно шире и конкретней, чем Посошков, Коробьин и другие, наметил систему государственных мер к ограничению помещичьего произвола, к регулированию отношений помещиков и крестьян, к ограничению крестьянских повинностей. Предложения Козельского, попятно, отрицательно были встречены дворянством. Депу-

¹⁴⁵ Там же, стр. 500.

¹⁴⁶ О преобладании на Украине в то время двухдневной барщины свидетельствует также Болтин, говорящий, что «во всей почти Малороссии... не больше работают крестьяне на помещика и сей обычай зделался почти законом» (Болтин И. «Примечания на Историю древняя и нынешняя Россия г-на Леклерка». Т. II, стр. 217. 1788).

¹⁴⁷ РИО. Т. XXXII, стр. 496.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴¹ РИО. Т. XXXII, стр. 494—502.

¹⁴² Там же, стр. 499.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ РИО. Т. XXXII, стр. 499.

тат от шляхетства Малороссийской губернии—от Переяславского полка—полковник Захар Забела нашёл выступление Козельского вредным и неприличным вообще и в особенности потому, что, мол, украинец Козельский, не имеющий недвижимой собственности в Великороссии, не зная тамошних условий, называет «малороссийские порядки», которые он вдобавок, по мнению Забелы, изобразил извращённо¹⁴⁹. В лице Забелы против Козельского выступило украинское дворянство.

Козельский, рассматривавший личную свободу и право собственности как две необходимые основы подъёма производительности труда и благополучия людей, всё же не сделал в Комиссии, как и Коробин, решительного заявления об отмене крепостного права. Зато по вопросу о праве собственности крестьян позиция Козельского была более решительной, принципиальной и последовательной. В то время как Коробин не дал ясного, конкретного ответа на вопрос о праве собственности крестьян, Козельский требовал не только предоставления крестьянам прав собственности на движимое имущество, но и, как Поленов, права наследственного владения недвижимостью, землёю, с тем только, чтобы они без дозволения помещика не властью были никому продать, не заложить из недвижимых имений, а владели бы сами потомственно, без участия помещиков¹⁵⁰. Это не было ещё правом собственности на землю. Крестьяне не получали свободного распоряжения землёй, но всё же это было правом крестьян владеть землёю с передачей по наследству, «без участия помещикова»...

Как некогда Посошков¹⁵¹, Козельский настаивал на отделении крестьянских земель от помещичьих, «для того, чтобы мужики, почитая те земли за собственный свой удел, основательнее обзаботятся и постоянное жить могли»¹⁵².

В условиях роста торгового земледелия усиливалась крепостническая эксплуатация. Это вело к увеличению числа крестьянских побегов. В своём «Письме о размножении и сохранении Российского народа» Ломоносов говорит об огромных размерах, которые приняли у нас во второй трети XVIII в. эти побегии «со пограничных мест уходят люди в чужий государственный, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных Российская корона». Он образно называет беглецов «живыми покойниками»¹⁵³.

В 60-х годах XVIII в. обезлюдение деревни возрастает также в связи с отходом крестьян-оброчников в город. Упадок крестьян

ского хозяйства и обезлюдение деревни вызывали серьёзное беспокойство у помещиков.

Усматривая причину упадка крестьянского хозяйства и обезлюдения деревни в распространении денежного оброка, многие дворянские идеологи явно преувеличивали распространение последнего. Елагин писал в 1766 г., что «ныне земледельцы... принуждены став платить оброк... не имеют и нужды к претрудному прилежать земледелию»¹⁵⁴.

Явно преувеличенное представление о распространении оброка разделяла и Екатерина II, считавшая, что «все деревни почти на оброке» и что это «уменьшает народ и земледелие»¹⁵⁵.

Консервативные писатели и общественно-политические деятели (М. Щербатов, И. Болтин и другие) требовали борьбы с распространением денежного оброка и связанных с ним крестьянских отходов. На той же позиции стоял известный агроном и экономист П. И. Рычков¹⁵⁶, тоже державшийся реакционных взглядов.

Распространение барщины за счёт оброка противоречило интересам крестьянства. Как свидетельствует Радищев, крестьяне считали, что даже тяжёлый оброк «всё лучше барщины»¹⁵⁷.

В своём развитии взгляды реакционных помещиков приводили к открытой борьбе против «мануфактур и протчих вымыслов»¹⁵⁸, то есть против развития промышленности.

Разорение крестьянского хозяйства и обезлюдение деревни беспокоило правительственные круги. В екатерининской Законодательной комиссии была выделена специальная «Частная комиссия о размножении народа, земледелия, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах». В плане этой Комиссии, подписанном 23 октября 1768 г., значительное место занимают вопросы о крестьянских побегих и отходах. Отмечается также вред занятия крестьян в «промыслах и самых торгах» и особенно в разносной торговле и извозном промысле, что «делает умаление и общему земледельству, ибо на всех сих людей дру-

¹⁴⁹ «Журнал землевладельцев». Т. VI за 1860 г., стр. 24—27. Между тем, по расчётам В. Семевского, в помещичьих имениях в среднем по 20 губерниям Великороссии было тогда 56% барщинных и 44% оброчных крестьян. «Правительство, общество и народ в истории крестьянского вопроса во второй половине XVIII и первой половине XIX века». Сборник «Великая реформа», стр. 27. М. (1911).

¹⁵⁰ «Наказ Екатерины Второй, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения», ст. 269. СПб. 1770; см. также статьи 270 и 271.

¹⁵¹ См. Бак И. «Экономические воззрения П. И. Рычкова». «Исторические записки». Т. XVI за 1945 г., стр. 126—138.

¹⁵² Радищев А. «Путешествие из Петербурга в Москву». Соч. Т. I, стр. 233. 1938.

¹⁵³ Сумароков А. «О домостроительстве». Соч. Т. X, стр. 159. 1787.

¹⁴⁹ РИО. Т. XXXII, стр. 519—520.

¹⁵⁰ Там же, стр. 496.

¹⁵¹ «Книга о скудости и богатстве И. Т. Посошкова», стр. 269. Редакция, вступительная статья и примечания Б. Кафенгауза. М. 1937.

¹⁵² РИО. Т. XXXII, стр. 500.

¹⁵³ «Русская старина» за октябрь 1873 г., стр. 579. См. также Бак И. «Экономические воззрения М. В. Ломоносова». Гл. V. «Ломоносов о политике народонаселения». Госполитиздат. М. 1946.

тие неточно хлеб напахать, но и привести должны»¹⁵⁹.

Борьба с уходом сельского населения в город основывалась на непонимании того значения, которое имел городской рынок для развития торгового земледелия.

В своём выступлении Козельский ограничивается лишь требованием возврата из городов тех крестьян, которые явятся там «лишними». Таковыми он считает множество крестьян, занятых в мелкой торговле, в которой «иной торгует рублей на десять, а называется купцом». Козельский вопрошает: «Что же из него купца прибыли обществу? Хлебоядетствует только, да где? в стольном городе, где хлеб и без него многим надобен. Не лучше ли ему жить в деревне и упражняться в хлебопашестве, нежели настоящим купцам в торгах их подрыв делать». Он предлагает «таков же разбор сделать и между находящимися под видом зарабатывания». В итоге, по мнению Козельского, «как только толпа сих тунеядцев выбудет, то дороговизна в хлебе избавится, и в деревнях семейство умножится»¹⁶⁰.

Козельский не возражал, таким образом, против ухода сельского населения в город, против его работы в промышленности, занятия городскими промыслами и торговлей (кроме мелкой). Однако, как явствует из приведённых высказываний, и Козельский недооценивал значения городского спроса для развития сельского хозяйства, за которое он так ратовал.

Козельский считал, что в результате осуществления его предложений крестьяне «прилежнее в земледелии упражняться будут», увеличится деторождение, крестьяне перестанут нищенствовать и разбойничать, многие крестьяне, ушедшие на заработки в города, вернутся к земледелию, что приведёт к снижению хлебных цен в городе и к росту населения деревни, возвратятся, наконец, белгцы из-за границы и вообще прекратятся в дальнейшем крестьянские победы.

Проект Козельского, несомненно, превосходил все предшествующие проекты устройства крестьян. «Нельзя не признать, — отмечает Семевский, — что это было одно из самых лучших временных решений вопроса, да и вообще оно было лучше такой реформы, как освобождение крестьян без земли, допущенное русским правительством полвека позднее в Прибалтийском крае»¹⁶¹.

Интересно сопоставить выступления Козельского с наказом, данным ему избирателями — шляхетством Днепровского пикниёрного полка¹⁶².

В этом наказе Козельскому поручалось добиваться того, чтобы местечки, сёла и деревни в округе полка не отдавались во вла-

дение посторонним. Избиратели наказывали Козельскому отстаивать сохранение прав малороссийского шляхетства на земли, «какие до ныне имели и имеем во владении», и уравнение в правах с дворянством российским.

Сверх того днепровские или, иначе, полтавские шляхтычи хотели, чтобы Козельский получил для них различные льготы: разрешение винокурения не только из собственного, но и из привозного — польского хлеба. Полтавчане просили также выду «пограничности жительство» снизить «противу прочих малороссийских» разные сборы — портовые и внутренние пошлины¹⁶³.

Полученный Козельским наказ — выражение не только дворянских узкоклассовых, но даже чисто локальных групповых интересов полтавского шляхетства.

В постановке и путях решения крестьянского вопроса Козельский не только вышел за пределы этого наказа, но и стал в противоречие с духом последнего.

Однако его проект, как и проект Коробьина, был внутренне противоречив, Козельский, как и Коробьин, забился об улучшении положения крестьян в условиях сохранения крепостного строя. Поэтому к проекту Козельского применимо замечание Щербатова на проект Коробьина, что раз сохранится власть над «телом» крестьянина, то и его «имение» фактически будет во власти собственника тела.

«Таким образом, — говорит Плеханов, — личная зависимость крестьян от помещиков была тем порогом, о который споткнулась мысль даже самых передовых и наиболее расположенных к трудящейся массе дворянских депутатов»¹⁶⁴.

Но и в таком виде это предложение Козельского, как и другие его предложения в Комиссии, восстановили против него дворянских депутатов. Это сказалось после первого же выступления Козельского по вопросу о дворянстве.

При выборах тайным голосованием в «Комиссию о размножении народа, земледелия, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусстве и ремёслах, то есть в Комиссию, в которой было сосредоточено рассмотрение и подготовка экономических вопросов, против Козельского было подано 194 голоса и за него — 106 голосов»¹⁶⁵. Козельский был забаллотирован также при выборах в духовно-гражданскую комиссию: против не-

¹⁶¹ Семевский В. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.». Т. I, стр. 117—118.

¹⁶² Наказ шляхетства Днепровского пикниёрного полка... депутаты того ж полка, господину пример-майору Якову Козельскому (РЮ. Г. ХСII, стр. 22—27. СПб. 1894).

¹⁶³ Указ 1753 г. предписывал «сбирать... внутренния пошлины единственно по 13 копеек с каждого рубля, более сего с того товара, с которого вышеописанное возьмётся, внутренней нигде не брать» (ПСЗ. Т. XIII, № 10164).

¹⁶⁴ Плеханов Г. Соч. Т. XXI, стр. 269.

¹⁶⁵ РЮ. Т. XXXII, стр. 48.

¹⁵⁹ Дела по Комиссии сочинения проекта Нового уложения, т. II, л. 126. (Отдел рукописей Государственной Ордена Ленина Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, шифр: М. 2934/1.)

¹⁶⁰ РЮ. Т. XXXII, стр. 497—498.

го было подано 158 голосов, за—135¹⁶⁶. После его второго выступления — по вопросу о крестьянстве, — при создании «Комиссии о разных установлениях, касающихся до лиц», против Козельского голосовали 168 человек, за него—115¹⁶⁷.

Учитывая дружную позицию дворянских депутатов против Козельского при обсуждении вопроса о дворянстве и устойчивое число голосовавших против него при выборах в разные комиссии, можно с достаточным основанием полагать, что большинство голосовавших против Козельского составляли депутаты от дворянства.

Результаты баллотировки подчёркивают изоляцию дворянством одного из наиболее выдающихся депутатов, выступившего против классовых интересов дворянства. Результаты баллотировки показали также, что Козельского поддерживала довольно устойчивая группа депутатов. Можно полагать, что это были главным образом недворянские элементы Комиссии.

Некоторые предложения Козельского об определении крестьянских повинностей совпадали с предложениями таких дворянских идеологов, как Д. Голицын, Елагин, Сиверс и другие. Но для них эти предложения были уступкой крестьянству для сохранения основы — феодального строя. Козельский же исходил из интересов крестьянства, из интересов народных.

Общественные идеалы Козельского далеко не полностью отражены в его практи-

ческих предложениях. Недостаточная решительность его практических предложений определялась условиями феодально-абсолютнистского государства. Говоря о Козельском, стоит вспомнить замечательные слова Д'Аламбера, что нотомки отличат то, что он мог сказать, от того, что он хотел сказать.

Объективно программа Козельского, особенно его предложение об установлении наследственного владения крестьян землёю, вела к расшатыванию основ феодального строя, к упрочению крестьянского хозяйства, к развитию простого товарного производства, на основе роста которого неизбежно вырывают капиталистические отношения.

Козельский пошёл значительно дальше своего современника Поленова. Он не ставил осуществление своего проекта в зависимость от желания помещиков, а являлся сторонником государственного регулирования отношений между помещиками и крестьянами. Его социальная философия глубже, его общественно-политические идеалы шире, определённой и радикальней. Козельский защищал интересы крестьянства гораздо более последовательно и решительно в практических предложениях, нежели Поленов и Коробьин.

Козельский оправдывал восстание угнетённых масс, но всё же предпочитал путь мирных реформ. Первым, кто сделал из критики крепостничества и самодержавия революционный вывод, был Радищев.